

С Иваном Охлобыстиным **КиноПоиск** встретился на съемочной площадке популярного сериала «Интерны», где он играет роль врача-тирана, неустанно мучающего своих подопечных. В этом году с участием актера вышло уже три картины: экранизация нашумевшего в свое время романа Виктора Пелевина «Generation П», ремейк советской классики «Служебный роман. Наше время» и «Поцелуй сквозь стену», где Иван исполнил роль бродяги.

С 19 мая на большом экране антикапиталистический блокбастер «Суперменеджер, или Мотыга судьбы» — развлекательная комедия об офисных работниках, убежденных толкиенистах и финансовых махинациях, в которой Иван Охлобыстин сыграл предводителя хоббитов..

О своем персонаже, грядущих проектах и видении бед и судеб российского кинематографа Иван рассказал в интервью **КиноПоиску**.

— **Чем вас привлек этот сценарий и ваш персонаж?**

— Мне сценарий понравился, прикольный, и персонаж мой тоже прикольный. Это комедия для тех, кто устал от офисной жизни. Меня позабавил мой герой — олигарх, помешанный на ролевых играх, хоббитах, эльфах и прочих персонажах. Еще он любящий отец, а это мне знакомо.

— **А как вы относитесь к толкиенистам? Зачем взрослые люди так погружаются во все это?**

— Понимаете, любая субкультура в основе своей несет простое желание человека быть с кем-то, связать себя определенного рода узами, быть в сообществе. Человек — общественное существо, поэтому даже субкультура — это продолжение обычного общества. Только это углубление общества. Культура общества. Я, например, занимался боевыми единоборствами, и для меня это тоже мой мир. Мир айкидо — мне это понятно, люди понятны, некоторые этого не понимают, относятся довольно нетерпимо. Но это не сила ради силы, не победа ради победы. Это философия, победа над собой... Есть разные миры, разные субкультуры. Готы, предположим. Тоже чудно. Но, с другой стороны, это тоже субкультура. И то же самое с ролевыми играми. В принципе это необычно, но это повод выйти из обычного дома, посидеть у костра, попить... игра.

— **В фильме очень много разных сюжетных линий: и мотыга судьбы, и история главного героя-менеджера, и финансовые махинации...**

— На уровне сценария и на уровне съемок это выглядело очень логично и разложено.

— **Но вот исходя из сценария вы бы к какому жанру отнесли фильм — это**

сатирическая комедия, сказка, фантастика?

— Да нет, это знаете что?.. (Пауза) Это, пожалуй, просто художественный фильм. Потому что это не сатира, это не сказка, это не приключения, это не фэнтези. Как ни странно, он относится к категории фильмов, что и «Бриллиантовая рука». Хотя нет. «Бриллиантовая рука» больше комедийно-сатирическая...

— Но здесь тоже есть сатира. Например, на белые воротнички...

— Ну да, да. Она, знаете, все-таки такая предсказочная, но не сказка. Не знаю... Просто художественный фильм.

— Герой картины — менеджер. Как вы считаете, это герой нашего времени?

— Я сам топ-менеджер в «Евросети». Так что этот мир мне очень понятен. Менеджер — это приказчик. Есть хозяин, а есть приказчик.

— Когда вышел «Брат» Алексея Балабанова, многие говорили, что персонаж Бодрого — герой того времени. Сейчас есть такой герой?

— В кино? Нет. Еще не сделали, к сожалению... Сейчас очень путаное время. Сейчас человек стоит перед внутренним выбором, кем он будет — Безумным Максом или МЧС. Потому что мир нестабилен, везде войны, землетрясения, цунами. И волей-неволей начинаешь посещать больше магазины не брендовые, которые на парад, а военно-спортивного толка. Вдруг чего случится. Кстати сказать, вот субкультуры как таковые — они еще очень устойчивы в плане всякого форс-мажора. Вот если что случится, эти хоббиты действительно объединятся, они действительно сумеют выбраться большим коллективом и создать общество. Шутки шутками, готы выберутся... Ничего плохого нет в субкультурах. Знаете, как Гете говорил: «Бог в мелочах, а дьявол в крайностях».

— Главное — не перебарщивать?

— Ну да. Здравый смысл побеждает — это высшее, что дано нам Богом.

— А как считаете, появится герой? Вы бы кого выбрали, чтобы он был примером для общества, чтобы за ним люди тянулись?

— Вы понимаете, сейчас вот такая историческая фаза, когда нужен герой не утверждающий, а нужен опять — на короткий срок — Печорин. Потому что в этом обществе нужно сомневаться, и в этой жизни нужно сомневаться. Потому что слишком многое перевели на деньги, слишком много формализуют. В Америке уже папы-мамы

нет, есть родитель номер один и родитель номер два. Этому миру нельзя радоваться, по этому миру надо печалиться и недоумевать, почему он такой. Поэтому должен быть такой печоринско-гарибальдейский герой. Уже не Печорин, но еще не Гарибальди. Сейчас должно пройти время — посмотрим, что будет. Я бы не стал ни того, ни другого ждать. Когда мы это переживем, надо что-то утверждающее. Мне больше по духу, хоть и из затасканного фильма — «Земля Санникова», — вот такие люди. Я за путешествия, за исследования, за жертву во благо общества.

— В основном вы сейчас играете комедийно-развлекательных персонажей. Нет желания в другую крайность податься? В драму, например?

— В драме для меня подходит мало авторов. Если так из классики брать, вот я не подхожу по психосоматике для Достоевского.

— Но Рогожина ведь сыграли...

— Да, Рогожина сыграл, но это баловство, это был эксперимент. То есть он такой удачный, но эксперимент. Кстати сказать, он удачно лег, как я и предполагал. А Качанов все переживал. Я говорю: «Ром, не переживай, все будет хорошо. Этот фильм сейчас никому не нужен, только ругаться будут. Лет через десять он ляжет во все коллекции, а тебя будут за него хвалить. А от этого дивидендов не получить никаких».

— Но вы ведь сценарист. Не хотите для себя какую-нибудь роль написать?

— А это будет нечестно. Потому что это я буду себя идеализировать, подспудно, подсознательно желая сделать из себя лучше. Это уже транс-серфинг. Я себя в итоге таким создам и лишусь вот той самой точки отсчета реальности, которой мы только что хвалились.

— Ну а если сначала создать какой-нибудь образ не для себя, а потом вдруг понравится, и решите сами сыграть?

— Нет, я себя никогда не обманываю. Это как машины. Вот я осуществил свою мечту юношескую. Я купил «Хонду Легенду». Причем она в новом корпусе, но похожа на то, что я хотел в 80-е годы. Равных нет. Ее не брали, потому что она по цене BMW «семерки» идет — конечно, все будут покупать BMW. Но даже BMW не может выстоять против «Хонды». Там движок космический, вот это то же самое что и BMW 7, но только она не ломается. На ней едешь, как на катере.

— Когда мы с вами в прошлый раз общались, вы говорили, что работаете над двумя сценариями, но подробности раскрыть не могли. Сейчас уже можете

рассказать?

— Ни тот, ни другой не пошел, не стал я дальше делать. Я написал очень хорошие синопсисы, расширенные. А дальше смысла нет ввязываться, пока телевидение не подтвердит. А оно не подтверждало, и я их засахарил. Я вспомнил старый свой замечательный сценарий, вот можно его, кстати, дописать. Называется «Пчелиный мед». О мужчине и женщине, о контрактнике и контрактнице. Только он контрактник военный, боевик на службе внешней разведки. А она — специалист по сливанию денег, отмыву денег. Ей нужен человек, который исчезнет вместе с предприятием, через которое она прокачает гигантские деньги. А у него в принципе ничего в этой жизни нет, ему, как военному, нужно три дня перекапаться, чтобы получить очередной заказ в одном из офисов Министерства обороны. Он не научился тратить деньги, семьи он не завел, хотя всю жизнь служил родине вроде. Перешел на контрактные отношения недавно, в деньгах особо не нуждается. Денег полно, а хочет он женщину. Но хочет любовь. Получилось так, что они сошлись. История изумительная, она еще противоречивая в нравственном плане, потому что в отношениях между мужчиной и женщиной часто переходятся вот эти грани. Где они оправданы, а где этот переход не оправдан. Ничего интересней отношений между мужчиной и женщиной еще не придумано. Даже наполеоновские войны — это все так...

— А сценарному искусству можно научиться?

— Можно. Более того, может научиться, я уверен, каждый второй. В этом смысле это один из самых широких каналов. Сложно научиться музыке. Органу, предположим. Это дается единицам. А в литературе большая часть работы дается за счет трудолюбия. Я предлагал во ВГИКе набрать курс, давно Новикову (ректор ВГИКа Александр Новиков — Прим. ред.) говорил: «Почему у нас нет сценариев?» Ребята, девчата — я с ними поговорил, они очень адекватные, только ничему не учатся. А все очень просто — даешь задание, там я не знаю, эссе. Все знают принцип эссе, кто пишет. Через неделю проверяешь. Даешь задание — рассказ — через неделю проверяешь. Обсуждаешь вместе, чего нужно переделать, что да как. То есть можно в принципе за полгода создать очень хорошо пишущих профессионалов. Это только профессионалов, а среди них могут быть люди и одаренные еще. У нас ведь и профессионалов тоже нет. У нас иногда появляется мотив в середине картины или в середине какой-то движухи сериальной, которого не было раньше. Он ни на чем не строится. Откуда он возник и куда исчез — непонятно. Не просматривается внутренняя мотивация поступков. А из-за этого фильмы пустые. Ходят буратины цельнометаллические. Мы над этим смеемся, называем себя так на «Интернах» со Светкой Камыниной. Она говорит: «Я цельнометаллическая Мальвина, а ты цельнометаллический Буратино». Я говорю: «Согласен!»

— То есть у нас школы, получается, нет сценарной? У нас же есть институты...

— Ну да, а школы нет. Хотя странно... Хотя чего странно? Особо-то никто и не писал. Мурзенко, но он грубоват. Он хороший, вот он на самом деле взял приступом олимп, он профессионал. Но таких, как его предшественники петербургские, нет.

— **Так и не поддержали вашу инициативу?**

— Не-а. Новиков че-то так: «Да-да, это правильно». И его быстро уволили кстати. Со мной нельзя ссориться — увольняют. Это уже третий случай. (*Смеется.*)

— **Есть надежда на светлое будущее?**

— Наверное, есть. У нас сейчас такой тоже сложный период в кино, потому что особо двигаться-то никому и не дают. То есть те, кто мог бы принести пользу...Надо ж понять, как они принесут пользу. Для начала надо познакомиться с производением, что ли. А это надо как-то все...чтобы это было интересно, чтобы люди могли семью кормить. Сценарий писать — это две недели сидеть. Так, плотно, если по-хорошему. Это для меня. А для кого-то это два месяца может быть. А есть упорные типы, которые годами пишут. Это как картина. Это не значит, что я пишу лучше. Я пишу просто так. Ну а кто-то пишет так же хорошо, но две недели. Но это не потому, что он плохо пишет, а потому что ему нравится так писать. То есть он формулирует для себя это все. А потом то, как я пишу...у меня все-таки стилистика чудноватая. Она очень-очень авторская, я же сам с собой спорить не буду, не могу. И сравнивать-то не с чем. Так что я всегда застрахован от критики.

— **Хорошо устроились...**

— Да, меня так учили... Я в институте был отличником практически. Дивная преподавательница литературы, кстати, была. Когда она умерла, весь ВГИК завесили листками с ее стихотворениями. Она была тайно влюблена в Тарковского, писала ему стихи, но не показывала никогда своего чувства. А стихи очень приличные, надо отдать должное. Она меня спрашивала, когда еще была жива... Я единственный, значит, студент, сидящий летом в аудитории...Не летом, а вот в конце весны. Она говорит: «Иван Иванович», — она, кстати, привила мне вкус к изящному слову. — «Иван Иванович, а вас не угнетает, как молодого человека, что другие ваши сверстники в данный момент где-то вот юностью..? А вы в свою очередь создаете у преподавателей паническое чувство тотальной занятости». Она клево говорила, кстати. Я говорю: «Вы знаете, моя семья всегда была представлена в другой промышленности. Так что у меня здесь нет никакого протеза. Приходится уповать только на самого себя, ничего нельзя сделать». Она смеялась. Она римской литературой меня увлекла. Она умела увлекать, она была гениальным преподавателем, царствие ей небесное.

— **Может, это нам и нужно — люди, которые могут увлечь поколение?**

— Конечно. Сейчас, в это тяжелое время, формируется целая каста учителей, которые, я думаю, в будущем сформируют поколение. Они причем все порядочные. Потому что их жизнь заставляет быть порядочными. Непорядочный человек не выживает в этой жизни, так не получается — Господь не пропускает. Как только переходишь какую-то грань невидимую, так тут же летишь в бездну.

— **Из ваших проектов, которые в ближайшее время выйдут, ждете чего-то с нетерпением?**

«Лакомый кусочек». Либо это будет шедевр, либо это будет ерунда лютая. Тарантиновщина такая в смеси с Трюффо. Еще я сниматься должен в новом проекте — «Метод Фрейда» называется.

— **Что-то из психологии?**

— Нет-нет. Как обычно, появляется некто, помогает всем, одарен он необычайно. Следствию помогает. Сам он бывший картежный игрок из Монте-Карло. Его прислало Министерство обороны, служба внешней разведки. Потому что в суде пострадал их подрядчик. И вот такой чувак приезжает на «Ламборджини», весь роскошный, играет в карты, пьет виски, любит женщин. Но все разгадывает, и его терпеть не могут менты, потому что он слишком нарядный для них. А с другой стороны, он хороший человек. У них любовь, естественно, с главной следовательшой. Ну, такая американщина, короче. Но в нашем варианте это может быть хорошо, потому что у них незатейливый язык очень и незатейливые отношения. А у нас все-таки поинтересней отношения между мужчиной и женщиной. У нас очень независимые женщины, не в силу того, что они это отбили, а в силу того, что всегда так было. Мы как волки. У нас гигантские территории, и, чтобы вот эти территории покорять, у нас нет времени на выяснение обстоятельств. У нас форс-мажор всегда. То есть вот на эту ерунду психологическую — лягте на диванчик, расскажите мне про это — у нас просто времени нет. Мы все время на льдине плывем. И даже если мирные времена, все равно мы ищем этого. Мы — русские.

— **Сейчас очень много говорят о том, что главная проблема нашего кинематографа — нехватка денег, недостаток государственного финансирования.**

— Чушь собачья. Не деньги нужны от государства, а гипотетическая возможность снимать на государственной студии. Это значительно облегчает бюджет. А деньги можно найти, проблемы нет. Я удивляюсь, кто просто на деньги ссылаются. Там проблема не в самих деньгах, а проблема в производстве. Даже имея деньги, можно ничего не сделать.

— **Бывают же малобюджетные картины...**

— Бывают. «8 с половиной долларов» — малобюджетная картина. Ее в 3D сейчас выпускают. Федя Бондарчук сказал, не знаю, правда ли, но он обычно правду говорит. Он такой мужик, честный.

— **Ремейк не хотите снять?**

— Нет, это безумие будет. Мне предлагали переписать, но это... Некоторые вещи не нужно переделывать. Жениться нужно один раз, кстати. (*Смеется.*)

— **В этом году на «Кинотавр» поедете?**

— Поеду.

— **Снова в качестве жюри?**

— Нет, Алексей Агранович пригласил вести одно мероприятие. Я и детей свожу двоих, и Оксанку. Море... У меня гигантская семья, я пользуюсь такими случаями.

— **Некоторые актеры становятся заложниками сыгранного образа. С вами такое случилось?**

— Да у меня будет это, скорее всего, в итоге. У меня мечта в старости озвучивать мультики. Там всегда есть со скрипучим голосом плохой персонаж. А этого не утратить. И буду лить, как полковник Аурелиано Буэндия в книге «Сто лет одиночества» Маркеса, золотых рыбок. Я люблю ювелирку, я люблю паять. Я думаю, когда занимаюсь металлом.